

Бархатная революция в бархатных кулисах

Большой театр меняет балетного худрука

Коммерсантъ - 2003 - 30 июня - с. 13

назначения балет

Под занавес сезона Большой театр преподнес сенсацию: с 1 января 2004 года художественным руководителем балета станет хореограф Алексей Ратманский. Нынешний худрук Борис Акимов согласился остаться на посту до приезда преемника.

Комментирует ТАТЬЯНА КУЗНЕЦОВА.

В последние восемь лет Большой театр менял балетных худруков регулярно — примерно раз в два года, так что на первый взгляд в нынешней кадровой рокировке нет ничего сенсационного. Однако если раньше увольнение балетных руководителей обособывалось либо их бездарностью, либо строптивостью, то как раз те три сезона, когда во главе театра стоял Борис Акимов, были самыми безмятежными чуть ли не за два десятилетия.

Борис Акимов, сделавший карьеру танцовщика в золотой век Григоровича и оказавшийся к тому же блистательным педагогом, отличался умеренно-консервативным вкусом и чрезвычайной мягкостью нрава. Главным для него было угодить всем: начальству, артистам, публике, даже критике, так что при нем репертуарная политика театра была неотчетливой и осторожной. Ни одного рискованного шага: жаждале Юрия Григоровича — пожалуйста (возобновляется его главный балет «Легенда о любви», а также редакции «Лебединого» и «Раймонды»); желаете иностранца — извольте (приглашается маститый французский классик Ролан Пети); мечтаете о новизне — получите Алексея Ратманского с его «Светлым ручьем»; хотите цивилизоваться — вот вам западная классика (беспроектная «Тщетная предосторожность» Фредерика Аштона, идущая по всему миру). В результате за три года ни одного провала (хотя некоторые и ворчали; мне, например, реставрация наследия главного советского классика Юрия Григоровича казалась неудавшейся реанимацией). Зато сразу две громкие победы: «Пиковая дама» отхватывает Государственную премию, сразу три «Золотые маски» и становится главным экспортным товаром театра. Возрожденный балет Шостаковича «Светлый ручей» делается настоящим бестселлером.

Впрочем, умеренность и аккуратность Бориса Акимова имели и оборотную сторону. Во-первых, труппа, так и не отвыкшая от деспотизма Григоровича, с «тишайшим» руководителем не считалась: премьеры и солисты взяли за правило отказываться от неприглянувшихся партий, кордебалет саботировал неудобные ему балеты, работая спустя рукава (точнее, вполноги). Во-вторых, амбициозное руководство Большого жаждало репутации не только благополучного, но и прогрессивного театра. На встрече с избранными журналистами гендиректор Большого Анатолий Иксанов заявил, что «редко встречал человека такого уровня по человеческим параметрам», как Борис Акимов, но «логика развития театра требует ротации руководителей». «Может быть, я спешу, но мой контракт заканчивается через два года и я должен успеть ввести Алексея в театр», — добавил он. Незлобивый Борис Акимов отозвался о господине Ик-

санове тоже чрезвычайно лестно: «Мы работали в идеальном контакте, он был практически дружеским. Надеюсь, был, есть и останется». Экс-худрук согласился не покидать свой пост до 31 января 2004 года, чтобы предотвратить безвластие и провести чрезвычайно важные для Большого гастролы в Парижской опере. После этого он останется преподавать в театре, а также примет пост худрука московской Академии хореографии.

Для своих решительных действий дирекция выбрала подходящий момент: 34-летний Алексей Ратманский, премьер датского Королевского балета и один из самых перспективных молодых хореографов в мире, в этом сезоне поставил в Москве «Светлый ручей». Предложение возглавить Большой ему сделали еще до премьеры, видимо опасаясь, что национальное достояние перехватят западные труппы, тоже страдающие от отсутствия талантливых балетмейстеров. Таким образом, театр решил репертуарные проблемы по крайней мере на три с половиной года вперед: по контракту Алексей Ратманский возглавит труппу с 1 января 2004 года и будет ежегодно обеспечивать Большой свежими постановками. Свой художественный манифест новый худрук огласит в начале сезона, а с Нового года переедет в Москву (Большой театр к тому времени выхлопочет киевлянину российское гражданство).

План выглядит лучезарным, если бы не одно «но». В должности худрука Алексею Ратманскому придется не только творить, но и чистить авгиевы конюшни Большого, решая болезненные кадровые проблемы. Разросшийся корпус репетиторов театра работает явно неэффективно, состоя в основном из священных коров — народных артистов или тех, кто проработал в театре чуть не вдвое дольше, чем новый худрук живет на свете. Из 250 артистов по крайней мере треть — явный балласт: порой с трудом удается набрать полноценный состав даже на один спектакль, а ведь теперь у Большого две сцены. Как-то придется справляться с самолюбивыми примамы и премьеры, поддерживать текущий репертуар, переучивать труппу, не умеющую танцевать ничего, кроме классики, выдвигать молодежь, разбираться с индивидуальными гастрольями звезд и прочая, и прочая. На необходимую в такой ситуации роль диктатора Алексей Ратманский явно не тянет: его природная деликатность только усугубилась в тепличных условиях дисциплинированного Запада, где артист проработал девять лет — почти всю свою сознательную жизнь.

Возможно, Большой поступил бы разумнее, ангажировав господина Ратманского в качестве главного приглашенного хореографа, как это сделал NY-city ballet, застолбив права на другую восходящую звезду — Кристофера Уилдона. Театр получил бы своего постоянного балетмейстера, а хореограф Ратманский — возможность ставить, не отвлекаясь на театральные дразги. Как бы то ни было, оценить выбор дирекции, равно как и деятельность нового худрука, можно будет лишь через два года, когда созреет первый посеянный ими урожай.